

Трагедия В. Г. Белинского впервые на сцене

В Пензе все удивительно живо вспоминает о великом земляке жителей города — Виссарионе Григорьевиче Белинском. Подвезкая к Пензе, мы остановились на станции его имени (прежнем Чепбаре), где родился замечательный русский критик. В городе на центральной площади увидели строгий и величественный памятник Белинскому — знакомое вдохновенное лицо мыслителя и нервные руки вечного труженика; мемориальные доски на небольших особняках — здесь жил Белинский, здесь жил один из героев его юношеских пьес князь Князев. Вот, наконец, и городской театр, на афише которого впервые в истории русского и советского театрального искусства скрывыми буквами написано «В. Г. Белинский, «Дмитрий Калинин». Трагедия в 4-х действиях». И хотя эта трагедия Белинского, дитя его студенческой молодости, никогда не шла на сцене, афиша Пензенского театра кажется естественной — так органично здесь все, что связано с Белинским.

Пьеса эта, где каждое слово подобно волнозвучию тысячь восторженных сердец, где яд и кандалы решают сложные, запутанные взаимоотношения людей, где, верный эстетике романтической драмы, молодой автор описывает и кровосмесительную связь брата с сестрой, и внезапный выстрел героя в родственника своей невесты, и неоплаченные уважения на балу, проникнуты сильными трагическими страстями. Барин крепостного Дмитрия Калининна старик Лесский оказывается его отцом, возлюбленная Софья — сестрой, а тайный муж Дмитрия Андрей — братом героя. Но на всей этой пестрой романтической оболочке, за сложной искусственной путаницей и пышной «пеземной» фразеологией стоит живая, волнующая тема.

«Дмитрий Калинин» Белинского, несмотря на всю юношескую незрелость этого произведения, в образной, художественной форме понимает все те вопросы, которые будут волновать зрелого Белинского, великого мыслителя русской действительности, — это борьба за человеческое достоинство, воспитание высоких нравственных качеств, верность в любви и дружбе как залог верности родине, неприкосновенность в явлении и поправку свободы, стремление к торжеству светлого разума и добра.

Показать впервые это произведение на сцене — почетно и тяжело, но в то же время очень и очень трудно. Перед Пензенским театром, взявшимся за постановку «Дмитрия Калининна», стояли две одинаково важные и трудные задачи. Прежде всего, сохранив высокий романтический строй драмы, наиболее полно выявить ее реальную, жизненную мысль о борьбе с крепостничеством. И вторая: не меняя текста Белинского, усилить действенность, сценичность его пьесы, содержащей длинные, статичные монологи, рассказы о событиях, происходивших за сценой.

Стремясь как можно ярче оттенить гуманистическую направленность «Дмитрия Калининна», его антикрепостническое звучание, театр ввел пролог, где на фоне суровых русских берегов высится памятник Белинскому и простая крестьянка читает, обращаясь к нему, стихи Некрасова, в которых воспеваются свободолюбие и бунтарская душа народного защитника. Однако пролог этот, иллюстративный и немного хрестоматийно-школьный, не вводит

«Дмитрий Калинин»
в Пензенском областном
театре драмы имени
А. В. Луначарского

нас в атмосферу драмы, а, наоборот, придает страстному романтическому повествованию несколько холодный, официально-торжественный оттенок. Театр же празднует победу там, где выявляет идейный пафос пьесы не иллюстрациями, но актерским раскрытием характеров, режиссерской концепцией (постановщик Ю. Юровский).

Дмитрия Калининна, крепостного человека, торжар Лесский, играет артист Ю. Горбухов. Роль Дмитрия трудна для исполнителя, привыкшего к театру психологическому, к детальному раскрытию характера, к оправданию каждого слова, поступка. У героя Белинского есть одно оправдание всех его страстных и неистовых действий — пенявить к тиранам, к людям, присвоившим себе право мучить своих близких. В образе отсутствуют разработанный подтекст, разнообразные и сложные психологические мотивировки поведения. Калинин — человек единой страсти, единого порыва, вызывающего в пространных философских монологах. Актеру нужно было не только следить за правдой характера, но и переключаться в чуждый ему мир превозвешенных романтических страстей, безостанных трагических чувствований, напряженно-лирических эмоций. И актер ниже не встал к позе бесстрастного обличителя, нигде не произнес с холодком строк, написанные горячо. Бросая гневные слова обличения и презрения тиранам, актер живет седишней болью за всех угнетенных и обиженных, возмущает сегодняшним волнением за всех, кто и сейчас платит в разных уголках земного пара мучительное и беспрерывное существование.

...Последняя сцена. Дмитрий Калинин, бегавший из тюрьмы, куда он был посажен за убийство учителя крестьян Андрея Лесского, снова появляется в имении своих прежних хозяев. Его влечет сюда любовь к Софье. На руках Дмитрия — Горбухова тяжелые кандалы, за плечами — жог, волосы непокорно падают на лоб, на глаза, закрывая от него последние лучи солнца. Но вот далеко отбрасывает актер кандалы, отбрасывает, как вещь страшное, постыдное, больное. «Я уму свободен». — эти слова звучат у Горбухова как изгойный центр роли, как утверждение: в смерти за свободу — некая, прекрасная жизнь для человека.

Рядом с Дмитрием — Горбуховым режиссер ставит не благородного дворянина, его друга Сурского, и также не его возлюбленную Софью, но старого вольнолюбивого Ивана, роль которого с большим мастерством и покупающей жизненной правдой исполняет П. Кирсанов. Иван — Кирсанов не грозит господам, как Дмитрий, не бросает им в лицо страшных и гневных слов, но тихая скорбь его, горькое удивление прощающего, строгие укоряющие стариковские глаза — все это перекликается с бурными тирадами Дмитрия.

Адекий пламень, ждгающий Калининна, и грустная слеза Ивана повинны в прочтении театра. В игре Горбухова и Кирсанова. И то и другое — приговор крепостничеству.

Иван и Дмитрий в этом спектакле все время как бы ищут друг друга, взгляды их то и дело встречаются, судьба одного горячо и живо волнует другого. И режиссура, и актеры подчеркивают, что в лице Дмитрия и Ивана формируются новые характеры, которые проложат дорогу молодым, активным борцам с крепостничеством.

У Софьи (артистка Л. Лозицкая) больше сосредоточенности, скрытого размышления, чем у Дмитрия. Этот контраст пылкого романтического героя и сдержанной, как бы навсегда задумавшейся девушки не только не мешает пониманию их союза, а, напротив, углубляет его.

Режиссура спектакля пользуется каждым случаем, чтобы приблизить юношескую драму Белинского к классической русской драматургии, к бессмертным, не сходящим со сцены образам драматического искусства... Характерно в этом смысле прочтение ряда картин, предложенное театром. Скажем, картина бала в доме помещиков Лесских в пьесе не разработана детально, но выражена в конкретных образах. Это лишь торопливый набросок фона, на котором разворачивается трагедия Дмитрия. Театр же тщательно и любовно подбирает характерные типаж, строит — там, где это позволяет небогатый обрывистый текст, — сложную и выразительную картину трагедии Дмитрия Калининна. И мы невольно вспоминаем другой бал — в доме Фамусовых, где так же неожиданно и трагично появился смелый обличитель.

Такое сближение великого классика русской драмы Грибоедова с неопытным, но страстным юношей Белинским помогает нам глубже понять общественный смысл трагедии «Дмитрий Калинин».

Но режиссер спектакля не всегда одинаково учено обращается с текстом пьесы. Переводя в действие, показывая на сцене все то, что персонажи Белинского в пьесе рассказывают друг другу, и тем добиваясь большей сценичности произведения, режиссер иногда меняет место, где происходит та или иная сцена, в результате становится непонятным поведение героев. Покой он так переставляет реплики, что осмысление поступка предвосхищает его свершение.

В рамках противоречия с романтической трагедией Белинского, с юношеским жаром молодого драматурга вступает современная режиссерская психологическая школа, порой узко понимаемая театром. И там, где режиссер пытается все опрощать, все наглядно объяснять, поверхностной, иллюстративной становится режиссура. Можно было бы упрекнуть и кое-кого из актеров в излишней сухости и сдержанности, в уменьении от начала до конца удержаться на высоте трагического накала, не переводя его в слезливую мелодраму.

Но все это не снижает значения хорошего дела — открытия убойной и гуманистической пьесы Белинского для советского зрителя.

И. ВИШНЕВСКАЯ.

Сцена из спектакля «Дмитрий Калинин». Софья — артистка Л. Лозицкая, Дмитрий — артист Ю. Горбухов.
Фото В. КУСКОВА.

«Советская культура» 5 февраля 1954.